

Комната А-Эра находилась прямо по соседству с комнатой Дзина Куросавы.

В младенчестве А-Эра они делили одну спальню, чтобы старшему брату было проще присматривать за ним.

Поначалу Дзин Куросава противился мысли о том, чтобы делить комнату с младенцем. И пускай маленький А-Эр рос на редкость тихим, не закатывая посреди ночи оглушительных истерик, как это делают обычные дети...

Проблема крылась в ином: он был слишком тихим. Несколько раз Дзин замечал, что малыш начинает тихонько поскуливать лишь тогда, когда боль становилась невыносимой. А к этому моменту ребенок уже находился на грани жизни и смерти.

Чтобы не завалить задание, Дзину, как бы он ни ненавидел делить с кем-то личное пространство, пришлось перетащить детскую кроватку к себе.

Радовало лишь то, что делить постель не требовалось: кроватка просто стояла у стены.

Из-за того, что Дзин с малых лет рос подле отца, лицом к лицу с вечной угрозой и чужой злобой, спал он невероятно чутко. Обостренная подозрительность и вечное недоверие к миру делали свое дело: стоило А-Эру едва слышно пискнуть во сне, как Дзин мгновенно просыпался и проверял младенца.

Когда брату исполнилось три года, Дзин отселил его за стенку. В конце концов, в этом возрасте А-Эр больше не нуждался в ежеминутной заботе. Дзин строго-настрого наказал ему: почувствуешь себя плохо — сразу иди ко мне, а не терпи молча, как в пеленках.

А-Эр оказался послушным. Чуть что не так — покорно топал в соседнюю спальню и скребся в дверь. Невыспавшийся Дзин, разглядывая собственную бледную физиономию с темными кругами под глазами, то и дело всерьез размышлял: а не придушить ли этого мелкого нарушителя спокойствия раз и навсегда?

Но, несмотря на все раздражение, Дзин давно свыкся с присутствием брата.

У А-Эра было слабое здоровье. Стоило на остров обрушиться грозе, как посреди ночи у него поднимался сильный жар. И всякий раз, пробуждаясь под заунывный рокот ливня, Дзин со вздохом поднимался с постели, шел в соседнюю комнату, трогал горячий лоб брата, а затем бережно приподнимал его, чтобы влить микстуру.

В обычные дни тихий и покладистый, во время болезни А-Эр затихал окончательно. Беда была в другом: он совершенно не умел глотать лекарства и при любой возможности пытался их выплюнуть. Чистый кот, которому пытаются впихнуть горькую таблетку.

Дзину приходилось бдительно следить за каждым его глотком, раз за разом поднося к губам стакан с водой, пока порция снадобья наконец не оказывалась внутри. Лишь тогда А-Эр со спокойной душой проваливался обратно в лихорадочное забытие.

Черная, безмолвная ночь. Отрезанный от мира остров, где не осталось ни души, кроме них двоих. Бушующий за стенами ливень словно пытался поглотить эту несчастную полоску суши, рождая иллюзию вселенского потопа, в котором они — единственные уцелевшие пассажиры Ноева ковчега, уходящего во тьму.

Дзин отчетливо ощущал каждое движение спящего ребенка на своих руках: его слабое дыхание, мерный стук сердца, едва заметный трепет пульса.

Их связывала общая кровь; они были неразлучны почти с самого рождения А-Эра.

Но рано или поздно дороги должны были разойтись. Дзин прекрасно понимал: его судьба предрешена — он вступит в Черную организацию. А вот слабому, болезненному А-Эру туда ход заказан. Скорее всего, отец поручит заботу о нем кому-то другому.

Однако Дзин и в страшном сне не мог представить, что младший брат увяжется за ним. Какая глупость! Отправиться в Черную организацию для А-Эра — все равно что добровольно пойти на плаху.

С приходом темноты необитаемый остров погрузился в вязкую, мертвую тишину.

Дзин обладал врожденным талантом убийцы: он умел растворяться в темноте. Даже в такой абсолютной, звенящей тишине, где падение иголки показалось бы громом, он проскользнул в спальню брата бесшумно, словно тень.

Комната утопала во мраке, без единого просвета. Дзин отлично знал повадки брата: тот не признавал обычных постелей, предпочитая спать в тесных, замкнутых углах вроде платяного шкафа, под кроватью или в каком-нибудь сундуке, куда ухитрялся втиснуться целиком.

Захоти кто-нибудь его убить, глупо было бы сразу бросаться к кровати — искать мальчишку следовало именно в этих укрытиях.

Бить нужно было наверняка. Иначе даже этот бесстрастный, словно фарфоровая кукла, мальчишка перед смертью станет яростно бороться за жизнь.

Когда зрение приспособилось к полумраку, Дзин, сжимая в ладони пистолет, бесшумно двинулся к намеченной цели — и внезапно замер, ошеломленный увиденным.

На простынях, раскинувшись во весь рост, безмятежно спал А-Эр. А рядом с ним покоился огромный плюшевый медведь, занимавший чуть ли не половину постели.

Какая редкость. Он ложился на кровать только во время сильных приступов лихорадки. Неужели опять заболел? Ведь еще утром он шел на поправку.

Въевшаяся под кожу привычка ухаживать за братом едва не заставила его отложить пистолет и коснуться горячего лба. Лишь холодная тяжесть пистолета в ладони вовремя вернула его к реальности.

«Проклятье...»

И в этот самый миг мальчик в темноте открыл глаза.

Даже в крошечной тьме его глаза сияли, словно угли костра. Их глубокий, насыщенный алый цвет напоминал разлитые румяна, неся в себе жутковатую, нечеловеческую красоту.

«И это действительно мой брат? Или в тело ребенка вселился какой-то бес?»

Впрочем, не все ли равно? Дьявол или нет, Дзин уже давно признал этого странного мальчишку своим братом. Он выходил его сам, и этого было достаточно.

Хотя в эту самую минуту Дзин, сокрытый густыми тенями и бесстрастно взирающий на постель сверху вниз, куда больше напоминал демона. Или безжалостного жнеца, явившегося собрать свою жатву.

А-Эр медленно моргнул. В его взгляде не было и тени удивления. Он лишь тихо спросил:

— Ты пришел убить меня?

Дзин не собирался лгать.

— Да.

— Почему?

— Отец забирает нас в Черную организацию. С твоим здоровьем ты там долго не протянешь. Лучше тебе принять смерть от моей руки, чем сгнить под пытками чужаков.

— Вот как... — тихо отозвался А-Эр.

Оружие в руке Дзина гарантировало легкую кончину. Пожалуй, это было вершиной его скупого милосердия к родному брату — оборвать его существование одним мгновенным, безболезненным выстрелом.

Но А-Эр протянул руку, коснулся ладони Дзина и осторожно отвел пистолет в сторону.

Дзин холодно наблюдал за его действиями, но мешать не стал. Словно матерый лев, снисходительно позволяющий детенышу играть со своей гривой.

Опустив пистолет, А-Эр снова взял его за руку и прижал его ладонь к своей тонкой, бледной шее, позволяя почувствовать тепло кожи и частые удары пульса.

А затем он улыбнулся, мгновенно разрушив привычный образ холодного, бездушного манекена.

— Оружие — это слишком просто. Я бы хотел, чтобы ты задушил меня собственными руками. Так я смогу по-настоящему почувствовать смерть.

Дзин впервые видел его улыбку. Сколько он себя помнил, А-Эр всегда оставался тихим, со стеклянным, лишенным эмоций взглядом.

Сейчас же, с прищуренными глазами и легкой полуулыбкой, он наконец-то стал походить на живого человека.

Дзин знал, что его собственное мышление далеко от нормы, но на фоне А-Эра он казался себе абсолютно нормальным человеком.

— Псих, — процедил Дзин.

А-Эр обиженно поджал губы.

— Разве это плохо? Я всего лишь хочу сам выбрать, как мне уйти.

Дзин закатил глаза и несильно отвесил ему подзатыльник.

— Кончай паясничать.

А-Эр со своими причудами действительно умел разозлить — и в то же время рассмешить.

— Брат... — тихо позвал А-Эр, потирая макушку.

Обида быстро улетучилась, и он снова вернулся к своему привычному, послушному и тихому состоянию с пустым взглядом.

Дзин удовлетворенно хмыкнул. Таким брат нравился ему куда больше.

— Мы продолжим? — поинтересовался А-Эр.

— Хм. Как-нибудь в другой раз, — фыркнул Дзин.

Весь его смертоносный настрой испарился без следа.

Но, глядя на покладистого, затихшего А-Эра и вспоминая, как нянчил его с пеленок, Дзин тоже успокоился.

Полная покорность брата странным образом умиротворяла его.

«Ладно. Придется присматривать за ним в Черной организации самому. В конце концов, в его жилах течет моя кровь. Пускай он слаб телом, но так просто подохнуть не должен».

Да и с такими причудами в голове этот мелкий безумец едва ли окажется легкой добычей для могилы.

Дзин развернулся, собираясь уйти, но А-Эр успел уцепиться за край его куртки.

— Можно мне поспать с тобой?

Дзин удивленно воззрился на него и без колебаний отрезал:

— Нет.

Когда А-Эр был маленьким, они спали в одной комнате, но на разных кроватях. Перспектива делить постель вызывала у Дзина стойкое неприятие.

Он привык к собственному пространству, поэтому без колебаний отказался.

На лице А-Эра проступило разочарование.

— Я просто хотел спросить тебя о кое-чем.

Дзин молча смотрел на него.

В конце концов Дзин переложил огромного медведя на письменный стол, стянул ботинки и бесцеремонно забрался под одеяло.

Глаза А-Эра мгновенно заблестели. Кровать была узкой, но для двоих детей места вполне хватало.

Он плотно прижался к плечу Дзина.

— Кто был тот мужчина, что приходил сегодня? Тот самый отец, о котором ты рассказывал?

— Да, — нехотя отозвался Дзин. — С точки зрения крови он действительно наш отец.

— Вот как... Значит, историю про Икарос ты тоже услышал от него?

Настроение Дзина улучшилось. Он почувствовал странное удовлетворение от пронизательности младшего брата.

Но близость чужого тела все равно напрягала. Тепло, исходившее от А-Эра, и его дыхание заставляли Дзина лежать натянутым как струна.

Раньше он часто брал А-Эра на руки, чтобы успокоить или дать лекарство, но то было полностью под его контролем. Брат был лишь беззащитным ребенком в его руках.

Теперь же они лежали бок о бок под одним одеялом, и это кардинально отличалось от их прежних ночей в одной спальне.

Это было странно и непривычно, но Дзин заставил себя смириться с этим чувством.

В конце концов, перед ним лежал человек, которого он сам вырастил из крошечного пищущего свертка.

Они ведь когда-то делили одно лоно.

Дзин сам не замечал, как все его внутренние барьеры и принципы рушились, стоило делу коснуться А-Эра.

Он просто привык к этой постоянной обузе и ничего не мог с собой поделать.

А-Эр начал засыпать. Он лепетал что-то несвязное, пытаясь выпытать у брата очередную тайну, но сонливость путала мысли, превращая слова в невнятное бормотание.

Он тихо посапывал под боком у Дзина, окончательно погружаясь в объятия сна.

Наблюдая за ним, Дзин внезапно вспомнил, что помимо шкафов и комодов у брата было еще одно излюбленное место для сна.

Подле самого Дзина.

Наверное, сказывалась старая детская привычка: когда А-Эр был младенцем, Дзин подолгу качал его на руках, и тот мог спать спокойно только под его защитой.

Осознание этого заставило мысли Дзина замереть в оцепенении.

«И что все это значит?»

«Идиллия любящей семьи? Великая братская преданность?»

«Мерзость какая. До тошноты тошнотворно».

Дзин никогда бы не подумал, что к нему могут быть применимы подобные приторные понятия.

Но ночь брала свое, а пережитые волнения утомили Дзина, который в глубине души все еще оставался подростком. Усталость сковала его тело, мешая думать дальше, и он неосознанно притянул спящего А-Эра ближе к себе.

Ровный стук сердца брата убаюкивал лучше любого снотворного.

То чувство родства, которого он никогда не знал с их отцом, теперь отчетливо ощущалось здесь, в тепле крохотного тела, согреваемого той же самой кровью.

«За этот оставшийся месяц нужно во что бы то ни стало натаскать мелкого. Пускай продержится хотя бы до тех пор, пока я не смогу его вытащить...»

Он заснул. И эта ночь принесла ему самый безмятежный сон в его жизни.

<http://bllate.org/book/18335/1760531>